

К отдельной задаче следует отнести постоянное и параллельное с самим исследованием, проникновением в исследуемую реальность «отслеживание» инструментария и метода, их «поведения» в процессе познания, а следовательно, и их коррективы. Соответственно, решается задача соотношения: «бытия»/«отражения» -> «отражения»/«бытия» (для условий исследовательского взаимодействия). Следующим необходимым этапом выступает рассмотрение соотношения бытия истинного и бытия мнимого, самоосознанного и приписываемого извне, и т.п. Исследование при таком определении цели не может не иметь в качестве одной из ведущих задач изучение кодов взаимодействия, кодов культуры, образных рядов, систем символов. Соответственно, в рамках решения этих задач непременно используется обширный языковой материал — и реальный язык (язык бамбара), и метаязык общения — в понятных образах, символах, сонстраоях и сопереживаниях и т.п.

Формирование принципов и методик этнографического коллекционирования на примере региона принигерской саванны

В последние годы в коллекционировании предметов культурного наследия африканских народов обозначились такие стороны, о существовании которых в классический период этнографического коллекционирования, т.е. с середины XIX до середины XX в., либо не догадывались, либо вовсе не думали. Речь идет о том, что по мере роста национального самосознания народы Африки стали все более отчетливо заявлять о необходимости сохранения целостности, неотделимости, неотчуждаемости их культурного наследия, в том числе овеществленной его части. Было положено начало разработке национального и международного законодательства, обеспечивающего суверенитет молодых африканских государств над всеми предметами, несущими культурную информацию и выступающими объектом коллекционирования.

Ныне африканские государства пытаются осуществлять контроль за вывозом культурных ценностей за рубеж. Все более остро ставится и проблема возврата предметов, незаконно вывезенных из стран Африки в период колониализма и в период после завоевания независимости. К этому вопросу систематически обращается ООН и ее специализированный орган ЮНЕСКО [Курьер ЮНЕСКО 1978; Богуславский 1979].

Моя собирательская деятельность побуждает высказаться по этому вопросу и рассказать об истории приобретения коллекций по культуре народов принигерской саванны.

* * *

Количество предметов, связанных своим происхождением и бытованием с традиционной сферой жизни, составляет величину примерно на два порядка большую, чем численность самого населения, оцениваемую в 10 млн человек. Я определяю такое соотношение исходя из того, что, по моим наблюдениям, в традиционной среде на долю одного человека приходится около 100 предметов, одновременно обеспечивающих жизненный процесс во всех аспектах. В условиях жизнеспособности традиционной сферы часть предметов постоянно выходит из обихода вследствие своего морального или физического устаревания и износа. Они восполняются либо тем же традиционным производством, либо через включение в бытовую сферу предметов индустриального производства. Таковые широко проникли в вещевой оборот в период колонизации и стали еще более массовыми в последние десятилетия не только в городской, но и в сельской среде. Это естественный процесс существования вещной составляющей жизни местного населения, жизненный путь самих вещей. После своего вывода из обихода вещи, многие из которых были связаны не только с повседневным бытом, но и с магической, ритуальной сторонами жизни, погибают естественным путем от влажности, плесени, термитов, разложения. Это тем более характерно, что вещи, произведенные в традиционной среде, как правило, создаются из простых и недолговечных материалов (дерева, соломы, растительных волокон и т.д.).

Лишь единичные предметы передаются из поколения в поколение. Часть из них рассматривается как достояние небольших социальных групп (семейных, родовых и т.д.), другие, вследствие принадлежности к особо значимым социальным слоям (например, вождям, жрецам), становятся достоянием целых этносов и их подразделений, региональных групп населения. В современных условиях они справедливо рассматриваются как национальные реликвии, не отторжимые от культурного наследия.

Коллекционирование и музеефикация касаются преимущественно вещей, уже выведенных из традиционного обихода. Часть вещей, берущихся прямо из употребления, легко восстанавливается самой средой их изготовителей и пользователей, тем более что в современ-

ных условиях они расстаются с такими вещами добровольно, преследуя, как правило, экономические и утилитарные, практические интересы.

Музеефикация в полном объеме всей массы вещей, находящихся в традиционном обиходе, является утопией. Речь, разумеется, должна идти лишь о представительных выборочных материалах, подбор которых необходимо вести в рамках целенаправленной и обеспеченной материально и концептуально политики комплектования фондов [Арсеньев 1980: 48–49; 1984: 3–5; 1995: 16–26; Arseniev 1991: 21–28].

Проблема этнографического коллекционирования и музеефикации на нынешнем этапе международных отношений, включающих культурные контакты, обмены, взаимодействие, представляет собой как минимум целую совокупность взаимосвязанных проблем [Богуславский 1979]. Среди них надо отметить проблемы морально-этического характера, экономические, социальные, идеологические и ряд других. Это, по сути, совокупная проблема. И она не решается простыми и во многом привлекательными предложениями, высказываемыми, например, супругами Макинтош из США. Эти археологи, занимавшиеся в конце 1970-х годов раскопками городища Дженне-Джонно в районе средней дельты Нигера, на страницах международного журнала «Музеум» («Museum») однозначно осудили собирательство художественных, этнографических и других культурных ценностей в целях вывоза их за рубеж. Они предложили по форме идеальный, но по сути совершенно нереальный план: «никто не покупает, но никто и не продает (вследствие прекращения спроса)» [Макинтош, Макинтош 1986: 49–57].

Думаю, что подобная постановка вопроса неосуществима и нерациональна по ряду причин.

Во-первых, производство сувенирной продукции есть факт современной культуры, и сама эта продукция является частью культурного достояния. Кроме того, она представляет собой очень важный инструмент современного международного культурного взаимодействия на уровне бытовой культуры. И наконец, сувенирное производство обеспечивает занятость и доходы немалой группе населения, что немаловажно для экономики африканских стран.

Во-вторых, производство собственно этнографических, фольклорных предметов лишь в малой степени является сувенирным. В основном это «живые» вещи, предназначенные для пользования. По моим данным, до 90 % внутреннего рынка Республики Мали снабжается именно такой продукцией. Можно ли запретить иностранцу при-

обрести рубаху, кустарное декоративное покрывало, сандалии и т.д., которые будут выступать и как предмет потребления местного населения, и как возможный сувенир, предмет коллекционирования?! Я сам в изобилии видел подобные бытовые предметы на городских и сельских рынках. Для самого производителя или торговца-посредника нет существенной разницы, кому он данный предмет продает, иностранцу или местному жителю, и, соответственно, куда этот предмет поступит — во внешний или во внутренний оборот. И если речь идет о предмете, произведенном преимущественно для внутреннего потребителя, то ничто не мешает приобретать подобный предмет для музея — как образец местного производства и потребления, как аутентичный предмет. При этом следует уточнять, что этот же предмет может перейти на внешний рынок и во внешний оборот, и тогда он приобретает функцию сувенира. Но попадание в музейный фонд сохраняет его аутентичный статус — на условиях соответствующей документации.

В-третьих, как уже отмечалось ранее, насчитывается не менее одного миллиарда вещей, постоянно находящихся в обороте в рамках региона. Расчет имеет, разумеется, оценочный характер, ибо реально подсчитать число единомоментно оборачивающихся вещей никогда не удастся, да это и не нужно. Однако оценка может оказаться оправданной для понимания общего характера масштабов оборота и степени «помех», порождаемых инновационными процессами, в частности внедрением принципов накопительства, культа потребления и «вещизма» (т.е. безудержной, самоценной и, возможно, имеющей магическую природу тяги к аккумуляции вещей, как престижных, так и не являющихся таковыми). И именно поэтому, разумеется, никакое коллекционирование не может внести перебой в жизнеспособность всей массы вещей, составляющих материальную культуру. Впрочем, если теоретически в какой-то ограниченной местности попытаются скупить все или только наиболее репрезентативные вещи, входящие в обиход, может наступить перебой в хозяйственной и социальной жизни соответствующего населения. Однако в силу того, что жива культура, в рамках которой функционируют скупленные вещи, дефицит вещей быстро компенсируется. Но на практике такого рода собирательство вряд ли когда-либо имело место. Тем не менее очевидная утрата традиций и вывод из оборота (через то же собирательство, закупочную активность) особо трудоемких и уникальных по художественным достоинствам вещей может привести к угасанию традиции, «обезличиванию» данного культурного массива. Аналогичные про-

цессы мне доводилось наблюдать в русских, карельских и коми-пермяцких деревнях России во время экспедиционных выездов в поле.

В-четвертых, защищая или осуждая собирательство, надо иметь в виду, кто именно и с какой целью ведет его, каков масштаб собирательской деятельности, ее средства, способы, и соблюдаются ли морально-этические нормы по отношению к населению, среди которого собирательство ведется. Поэтому немаловажно то, кто осуществляет собирательство — частное лицо или культурное учреждение (музей), в чьих интересах оно ведется, какие цели — коммерческие или культурные — преследуются при этом, соблюдается ли принцип взаимной заинтересованности сторон в процессе сбора и т.д.

В-пятых, возможно, что самым важным в определении отношения к собирательству и музеефикации культурного наследия является вопрос о международных культурных контактах, об обмене культурной информацией, достижениями культур народов мира, их достоянием. В этом смысле коллекции, отражающие быт, нравы, духовные ценности других народов Земли, служат и базой культурных обменов, взаимного культурного обогащения, и основой исследовательской деятельности. Именно путем показа наиболее высоких образцов культур африканских народов, указанием на их роль в развитии художественного процесса в Европе и Северной Америке в XX в., наглядной и предметно насыщенной демонстрацией доминантных принципов гармонии с природой можно обогатить, дополнить, скорректировать цивилизационную составляющую общественного процесса индустриально развитых стран. Свою же долю в модернизационных процессах обратной направленности Африка получает и без того. Но, чтобы гармонизовать и эту устремленность культурного взаимодействия, надо лучше знать и понимать друг друга. Если у африканцев общение с европейцами имело массивированный и преимущественно насильственный характер, а проходило оно в целом на Африканском континенте, то европейцы только в последнее время благодаря значительному притоку выходцев из Африки столкнулись с заметным повседневным общением с африканцами. В основном они их не знают, не понимают и не очень-то хотят понимать. И именно здесь, учитывая реальность и неизбежность взаимодействия, необходимо внедрять взаимную информированность.

В то же время не вызывает сомнения, что коллекции, находящиеся за рубежом изучаемой страны и культуры и составляющиеся ныне, не должны в принципе содержать предметы, вывод которых из непосредственного культурного оборота в среде создания мог бы нанести

непоправимый урон самой среде. Следует отметить, что в случае традиционной культуры бамбара таких предметов немного. Ибо большинство предметов этнографического характера, в частности художественно значимые, выступают своего рода «серийными», т.е. имеют себе подобные изначально. И лишь очень незначительное число предметов обладает исключительной ценностью как «уникумы», и то чаще всего они значимы для какого-то локального социума. Но и они могут быть заменимы на более или менее недавно изготовленные даже в традиционном обороте. В таком случае качества функционально значимого предмета переходят с прежнего «носителя» на «новый». При этом прежний выводится из оборота и признается «недееспособным». Например, спутники М. Гриоля описывали пещеры в «стране догонов», служащие своеобразными кладбищами отслуживших свой срок ритуальных предметов [Leiris 1934]. Аналогичные рассказы мне доводилось слышать в марте 2005 г. от охотников деревни Кангаба о пещере, хранящей старые реликвии, в пяти километрах на противоположном берегу Нигера. Но, надо полагать, и в отношении таких предметов действует какой-то моральный и сакральный этический кодекс, система представлений, не поощряющих по крайней мере их перемещение или простое прикосновение профанов и тем более чужаков.

Чтобы как-то подытожить эти рассуждения, отмечу двойственность ситуации, связанную со сбором и перемещением артефактов. Есть несомненная категория предметов, не подлежащих перемещению из своей изначальной среды. Скажем, речь может идти о «священной хижине» («блон») из Кангабы, а также о сакральных предметах, хранящихся в ней. Такое перемещение невозможно в принципе. И совсем не по техническим причинам. Это не просто профанация святыни. Это, по существу, уничтожение культурно значимой ценности первостепенного значения.

Есть такие предметы, которые оказались перемещенными в Европу и Америку, но их утрата наносит невозполнимый ущерб живой культуре. Приведу пример. На рабочем столе Ж. Ширака в Елисейском дворце стоял предмет, напоминавший сакральные предметы («боли-у») правителей бамбарской «Империи Сегу». Отчуждение подобных предметов не может не наносить ущерба самосознанию африканцев. Вполне возможно, что это не более чем аналог соответствующих сакральных предметов Сегу. Но подобные предметы с достоверной судьбой в обилии имеются в музеях Европы и США. И в случае когда «легенда» этих вещей известна, вполне уместны реституционные требования.

Что же касается масок, фигурок плодородия, фигурок предков относительно низкого иерархического статуса репрезентации в действующей системе культуры, выведенных из оборота с ведома и согласия социума-владельца, то такие предметы вполне могут перемещаться в музеи и в публичные частные собрания. При этом условием для этого все же должно служить наличие типологически и художественно близких аналогов в национальных музеях африканских стран.

* * *

История коллекций МАЭ по бамбара насчитывает около ста лет. И на сегодня это собрание может считаться одним из немногих среди африканских фондов музея, способным как комплексно и вполне детализированно представить овеществленную культуру самих бамбара, так и дать возможность на вполне убедительных примерах отследить культурный контекст, в котором жили и живут бамбара не менее века. Конечно, она не в состоянии соперничать с коллекциями Грасси-музеума в Лейпциге или с Гамбургским музеем народоведения, равно как и с собранием Центра имени Л. Фробениуса во Франкфурте-на-Майне. Еще сложнее сравнивать его с собранием Музея Набережной Бранли в Париже, где при наличии обширных фондов действует установка на показ предметов «искусства», соответствующая основной идеологии музея. Положение осложняют и еще не вполне сложившиеся традиции практической деятельности музея, что не дает пока оснований для серьезных сравнений.

Тем не менее, составляя около 10 % от общего африканского фонда МАЭ РАН, собрание предметов, отражающих культуру бамбара, возможно, самое системное из всего того, что имеется в Кунсткамере по культурам африканских народов, наиболее сбалансированно и целостно представляющее культуру во всем многообразии ее проявлений. Здесь есть и орудия труда, и предметы быта, и предметы культовой практики, и предметы, отражающие профессиональные, половозрастные и прочие субкультуры. Здесь достаточно предметов для убедительного показа динамики культуры во времени, специфики региональных и локальных ее проявлений, развития кодовых систем, стилей и т.д.

История коллекций МАЭ по культуре бамбара на данный момент может быть представлена в виде трех больших этапов, связанных с именами трех собирателей: Л. Фробениуса, Д.А. Ольдерогге и В.Р. Арсеньева. Собственно, только двое последние связаны с отечественными сборами для музея. Да и то сборы их приходится исключительно на

вторую половину, а то и треть XX в. Объясняется это просто. У России не было колоний в Африке, как, собственно, и колониальных интересов на Африканском континенте. Некоторые политические и культурные амбиции императорской России проявлялись в районе Рога и Юга Африки. Но коллекционирование предметов из Эфиопии имело скорее экзотический и, может быть, даже более или менее масштабный «сувенирный» характер. Что, тем не менее, не умаляет их значения для истории формирования фондов отдела Африки МАЭ. Без собраний В.В. Юнкера, Кохановского, Булатовича не было бы ядра африканских фондов МАЭ, не было бы фундамента для сбора и для обменов с другими музеями мира, прежде всего той же Германии. Добавлять и дополнять можно только при условии, что что-то уже имеется. И каковы бы с профессиональной точки зрения ни были бы случайными и даже любительскими эти поступления (взять для примера того же Н.С. Гумилева), они были. Они состоялись. Они составили некую массу систематизированных и музеефицированных предметов, которые представляют ныне экспозиционный и исследовательский резерв МАЭ.

Зато сборы Л. Фробениуса, Д.А. Ольдерогге и В.Р. Арсеньева следовали научной концепции всестороннего комплексного отражения соответствующих культур. Причем применительно к коллекции Л. Фробениуса есть основания говорить о «вторичной комплексности» его коллекции № 1688, находящейся в собрании МАЭ. Дело в том, что эта коллекция — продукт не «первичного сбора», но «вторичной выборки», т.к. была подобрана из массы предметов, привезенным Л. Фробениусом для Гамбургского Музея народоведения. Она поступила в 1910 г. путем обмена с Гамбургским музеем народоведения на этнографические предметы по народам Сибири и Средней Азии. Коллекцию компоновали в музейных условиях Гамбурга на основе наличия аналогов (дублетов) и показательности для характеристики культуры. Может быть, поэтому в ней все же много однотипных и не всегда оправданных для репрезентативности предметов: пряслица, хлопчатобумажные ткани «боголан» и т.п. Однако об этом — ниже.

Африканские фонды МАЭ

Африканские коллекции МАЭ составляют около 13 тысяч номеров. По мировым масштабам это немного. Но в Кунсткамере на первое место выходит не столько количество, равномерная и всеобъемлющая репрезентативность собраний для характеристики и отобра-